

*Елена Матузкова
(г. Одесса, Україна)*

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК КОММУНИКАТИВНО- ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ

Стаття присвячена опису проблематики ідентичності в комунікативно-функціональній парадигмі сучасної лінгвістики. Комунікація розглядається як первинний соціальний процес, а ідентичність – як комунікативно (дискурсивно) конструйований феномен, що підтверджує ключову роль мови у процесі ідентифікації.

Ключові слова: ідентичність, комунікація, комунікативно-функціональна парадигма, мова.

Статья посвящена описанию проблематики идентичности в коммуникативно-функциональной парадигме современной лингвистики. Коммуникация рассматривается как первичный социальный процесс, а идентичность – как коммуникативно (дискурсивно) конструируемый феномен, что подтверждает ключевую роль языка в процессе идентификации.

Ключевые слова: идентичность, коммуникация, коммуникативно-функциональная парадигма, язык.

The article focuses on the range of problems connected with identity in communicative-functional paradigm of modern linguistics. Communication is viewed as primary social process while identity is described as communicatively constructive phenomenon, thus proving the key role of language in identification.

Key words: identity, communication, communicative-functional paradigm, language.

Становление коммуникативно-функциональной лингвистической парадигмы, происходившее во второй половине XX века, знаменовало переход от генетической (сравнительно-исторической) и таксономической (системно-структурной) парадигм к всестороннему анализу человеческого фактора в языке как адаптивной системе, регулирующей интерактивные отношения говорящих в коммуникативной ситуации и различных типах дискурса [6]. Антропоцентризм становится доминирующим «методологическим принципом парадигматического пространства

современной лингвистики [6, с. 36]», ведущей тенденцией современного лингвистического познания. Функциональный прагматизм дал новый импульс социолингвистическим и психолингвистическим исследованиям и способствовал развитию новых областей языкознания: лингвокультурологии, лингвопрагматики, лингвистики текста, межкультурной коммуникации (в её лингвистическом аспекте), теории речевых актов, этнопсихолингвистики и др.

Предпринятая нами попытка систематизировать уже имеющиеся на сегодняшний день знания об идентичности в рамках коммуникативно-функциональной лингвистической парадигмы показала, что ученые, исследующие связь идентичности и коммуникации, рассматривают коммуникацию как первичный социальный процесс, а идентичность – как коммуникативно (дискурсивно) конструируемую сущность. Таким образом, подтверждается ключевая роль языка в процессе идентификации, когда человек сознательно и неосознанно соотносит, сравнивает себя с другими и окружающим его миром в целом (Е. Горошко, М. Макаров, М. Школовая, Г. Яворская и др.).

При таком фокусе изучения феномена идентичности понятие коммуникации вводится как ключевое. В коммуникативной лингвистике в связи с этим особенно подчеркивается, что идентичность возникает в результате многих коммуникативных процессов (интеракции, идентификации, интернализации и т. д.), всегда соотносится к чем-то или кем-то и имеет интерсубъективную природу. Отсюда и обращение ученых к понятию «коммуникативная идентичность» (Е. Горошко, Б. Ярмахов, М. Школовая), и введение его в научный лингвистический оборот.

Следует отметить, что работы по проблематике коммуникативной идентичности малочисленны, однако, несомненно, перспективны и актуальны. Так, Е. Горошко, обосновывая важность изучения коммуникативной виртуальной идентичности в гендерном аспекте, указывает на необходимость точного определения и описания процессов, связанных с формированием социальной идентичности в виртуальном

пространстве, а также описания функционирования языка как основного средства конструирования коммуникативной виртуальной идентичности [4, с. 93].

Основными феноменологическими признаками коммуникативной идентичности ученая считает: соотносительность идентичности с объектами коммуникации; достижение идентичности в ходе сознательных и бессознательных процессов идентификации; диалектику динамики и постоянства идентичности; идентичность как социальную форму переживания «Я» личностью. Таким образом, постулируется целесообразность рассмотрения идентичности как категории «соотносительной» с объектами коммуникации [4, с. 95]. Соглашаясь с последним тезисом, все-таки отметим, что перечисленные признаки характеризуют идентичность вообще, и мало что говорят о существенных характеристиках именно коммуникативной идентичности.

Коммуникативная виртуальная идентичность также является объектом лингвистического анализа в диссертационном исследовании М. Школовой. Исследовательница с помощью дискурс-анализа рассматривает типичные дискурсивные практики, ведущие к формированию основных видов (личной и социальной) идентичности в Интернете. Идентичность в электронной коммуникации (= коммуникативная виртуальная идентичность) определяется как коммуникативно конструируемая сущность, промежуточный результат непрерывного процесса идентификации, осуществляемого посредством сравнения желаемых аспектов своего «Я» с желаемыми аспектами «Я» других [7, с. 129].

В работе выделяется 6 этапов такого конструирования социальной идентичности в чате, по мере прохождения которых осуществляется переход виртуальной личности из статуса «новичка» в «старожила». В языковом плане этот процесс характеризуется постепенным отказом от широкого употребления параграфемии (ярких цветов, шрифтов и т. д.), предпочтением кратких форм изложения мыслей, более

мотивированным использованием эмотиконов, большей развитостью языковой личности в отношении к особому языку киберпространства.

Конструирование личной идентичности, согласно данным работы, наиболее полно представлено в жанре электронных дневников и имеет свои особенности. Самопрезентация виртуальной личности в блогах осуществляется либо прямо (самоописание), либо косвенно (самовыражение).

Карнавальный характер общения в пространстве виртуальной коммуникации, как заключает М. С. Школовая, позволяет создавать ложные идентичности через множество виртуальных персонажей. Идентичность в электронной коммуникации, таким образом, – это сознательный творческий процесс, главная роль в котором отводится средствам репрезентации, т.е. умению человека порождать высказывания на языке киберпространства [7, с. 129–132].

Как уже отмечалось, труды, относящиеся к коммуникативно-функциональному направлению изучения идентичности не очень многочисленны, но разнообразны. В некоторых из них идентичность является непосредственным объектом исследования (Е. Горошко, М. Школовая, Н. Герман, Г. Яворская, М. Макаров), в других – своеобразным углом зрения, под которым рассматривается определенное явление или предмет. Именно ко второй группе относится новаторское и интересное исследование С. Гарагули, выполненное в русле лингвистической прагматики, ономастики и лингвокультурологии [2]; [3]. В фокусе внимания ученого – прагматические свойства антропонима, актуализируемые в коммуникативных процессах. Непосредственным объектом изучения является имя личное как компонент языковой национально-специфической антропонимической системы и коммуникативного пространства США. Поскольку имя является одним из основных параметров индивида как языковой личности, ученый выделяет в качестве отдельного вида антропонимическую языковую личность и определяет ее антропонимическую идентичность. Идентичность, таким образом, как один из основных прагматически

обусловленных параметров языковой личности, анализируется через призму имени с опорой на язык, культуру, текст и дискурс.

В монографии исследуются прагматические функции идентификации и социализации, которые, по мнению ученого, в наибольшей степени определяют имя как прагматический компонент коммуникации. При этом под идентификацией имеется в виду «психологическая корреляция между индивидом и определенной лингво- и этнокультурой, социумом, религиозными воззрениями, семейными традициями» [3, с. 4].

Именно в результате такой корреляции формируется и реализуется антропонимическая идентичность индивида, определяемая как «психологическое соотнесение индивида со своим именем и восприятие этого имени и его носителя представителями данной и других лингвокультур, что позволяет индивиду определить свое место в лингвосоциокультурном пространстве и свободно ориентироваться в нем, создавая определенную связь с обществом, в котором он живет [3, с. 13–14]».

С нашей точки зрения, весьма перспективными выглядят также и рассуждения об *антропонимической идентичности нации* как элементе «коллективной или групповой идентичности личности [3, с. 22]». В этом случае имя служит маркером антропонимической идентичности нации, инвариантной составляющей которой является национальный антропонимикон. Следует, однако, отметить, что концепция антропонимической идентичности нации, предлагаемая С. Гарагулей, грешит неточностями и носит, скорее, декларативный характер. Прежде всего, в монографии отсутствует само определение этого понятия. Во-вторых, понятие «антропонимическая идентичность нации» [3, с. 143], отождествляется с понятием «антропонимической групповой идентичности индивида». И, наконец, понятие «коллективной идентичности» взаимозаменяется понятием «групповой идентичности» индивида, что вносит неясность в изложение. По сути речь идет, как нам представляется, о двух проявлениях индивидуальной идентичности – личном и групповом. Последний воплощается в социальной идентичности индивида. Согласимся с автором монографии в том, что изучение

антропонимической идентичности нации как вида коллективной национальной идентичности, безусловно, представляет значительный исследовательский интерес, и многие вопросы этого феномена еще требуют уточнения и осмысления.

Более убедительным нам показалось выделение ученым еще одной категории – *антропонимической идентичности литературного персонажа художественного текста*. Последняя рассматривается как «модель языковой личности, которая задается и формируется автором произведения таким образом, чтобы она (модель) могла служить одним из средств воплощения художественно-эстетической концепции произведения и помогала раскрытию его главной темы и глубинного смысла [3, с. 145]».

Изучение антропонимической идентичности как индивидуальной, так и коллективной, в т. ч. и литературного персонажа, по нашему глубокому убеждению, представляет значительный интерес и несомненную актуальность. Не менее интересным представляется и изучение «ключевых имен» как маркеров национальной идентичности в системах различных вариантов английского языка: британском, американском, австралийском, канадском и др. В этом плане труд С. Гарагули задает возможности дальнейшего рассмотрения антропологической идентичности в различных типах дискурса (художественном, криминальном, политическом, молодежном и т. д.).

Роль различных типов дискурса в формировании и конструировании идентичностей, проблемы влияния дискурсивных практик на идентичность индивидов и общностей также представляются перспективным направлением исследований, проводящихся на стыке коммуникативной лингвистики, лингвопрагматики, дискурсологии и лингвистики текста.

Так, украинская исследовательница Г. Яворская подчеркивает, что влияние дискурсивных практик на идентичность общностей осуществляется в трех основных аспектах – генетическом (связанным с возникновением определенной идентичности и ее становлением), структурном

(определяет соотношение признаков такой идентичности и их содержательное наполнение) и функциональном (связанным с формами реализации идентичности). Однако, это комплексное дискурсивное влияние остается практически неисследованным и в настоящее время привлекает все большее внимание лингвистов. Дело осложняется тем, что для достижения достоверных результатов ученым недостает соответствующих инструментов и подходов, а то и просто знаний и лингвистической подготовки [8, с. 49].

В этой связи ученая сосредотачивает свое внимание на роли, которую играют различные типы дискурса в формировании, сохранении и создании коллективной идентичности. Ведущая роль здесь принадлежит, согласно ее заключениям, политическому дискурсу и его «...противоположностям: бытовым речевым и социальным практикам, стереотипам, верованиям, мыслям, предубеждениям и т. д., которые реализуются в повседневном неофициальном общении как такие речевые события: слухи, разговоры, дорожные разговоры, анекдоты и т. д. [8, с. 49]». *Не менее важными* видами дискурса также называются «практика образования и академический дискурс [8, с. 49]». Другие дискурсивные разновидности, в частности художественная литература, задействованы в процессах трансляции групповых идентичностей *опосредованно*, главным образом через систему образования в виде «культовых» и прецедентных текстов.

Значимым и перспективным считаем обоснование ученой понимания коллективной идентичности как *коммуникативно-дискурсивного* явления, в отличие от социально-психологического. В последнем, коллективная идентичность определяется как производная от индивидуальной: основной носитель идентичности здесь – индивид. А в рамках понимания идентичности как коммуникативно-дискурсивного явления коллективная идентичность – производное от общности, которую она представляет. На лингвистическом уровне это подтверждается способом создания соответствующих терминов именно от обозначения общности. Если общность – это нация, то говорим о национальной идентичности, если этнос – об этнической. Общие

характеристики дискурса проецируються на окрему особу, її поведінку і почуття, а не навпаки [8, с. 54, 58]. Таке розуміння колективної ідентичності дозволяє Г. М. Яворській прийти до важливого висновку – усвідомлення себе як особистості або спільноти, відмінної від інших, здійснюється з допомогою засвоєння певних дискурсивних способів, а функціонування ідентичності, т. є. її підтвердження, створення, модифікації супроводжуються ідентифікаційними актами з використанням вербальних способів. Однак, визнаючи непереконливу цінність концепції ученої, дозволимо собі прокоментувати деякі її висловлювання.

Особа роль політичного дискурсу серед інших різноманітних дискурсивних практик обумовлена, на думку Г. Яворської, тим, що політичний дискурс не тільки відображає і нормує ознаки ідентичності, але і представляє собою дійсний і швидкодіючий механізм їх втілення в соціальну дійсність. Не можемо повністю погодитися з такою точкою зору, оскільки вона значно звужує проблематику ідентичності. Вже, як далі зауважує сама дослідниця, ідентичність змінюється і «динамізується» внаслідок дії різних дискурсивних практик [8, с. 54] і висування тієї або іншої практики, типу дискурсу залежить від типу спільноти і багатьох інших факторів.

Можливо тому говорити про висування якогось типу дискурсу в залежності від певного контексту комунікації, але всі вони так або інакше впливають на соціальну дійсність і формують її. Погодимося з ученою, що механізми цього взаємодіяння вимагають уважливого вивчення і представляють ще один перспективний вектор вивчення проблематики ідентичності в комунікативно-дискурсивному ключі.

Також не зовсім переконливо нам представляється тезис про *опосередовану* роль художественного дискурсу в процесі трансляції колективної ідентичності. В цьому плані нам ближче точка зору вчених, дослідження яких показують зворотне. Якщо комунікацію розглядати не в плані звичайного

обмена информацией, но именно как диалог (М. Бахтин, И. Клюканов и др.), то можно говорить о ней как о «коллективной рефлексии [1, с. 262]», дающей мощное основание для индивидуальной рефлексии, которая разными личностями реализуется в разной степени. И здесь, несомненно, художественный дискурс, концентрирующий рефлексию многих личностей, играет ведущую роль. Несмотря на «имманентный характер его построения [1, с. 262]», важной функцией художественного дискурса оказывается «самоотражение общества», коллективная модель мира, «игровое представление» места человека и общности в мире посредством «дискурсивного моделирования квазиреальных и ирреальных ситуаций, расширяющих возможности рефлексии, усиливающих ее креативный потенциал [1, с. 262]».

Доказательством изложенного в предыдущем абзаце служат работы, анализирующие проблему отражения и создания идентичности в художественном дискурсе. Такие труды, к сожалению, не очень многочисленны, но также разнообразны. Большая часть из них носит скорее литературоведческий характер и посвящена проблемам национальной идентичности (М. Попова, С. Толкачев, Renwick, G. Robertson, E. Easthope, Tracey, Th. Turville-Petre, Taylor, Barczewski и др.). Ученые, с одной стороны, обращаются к литературе как к своеобразной «иллюстрации» тех или иных положений, встречающихся в социогуманитарных теориях идентичности. С другой стороны, они стремятся показать как литература отражает различные представления об идентичности в диахроническом и синхроническом аспектах и при помощи каких художественных средств, в т. ч. лингвистических, это достигается.

К художественным приемам, используемым писателями для выражения национальной идентичности, обращается автор монографии «Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании» М. Попова. Анализируя произведения как русскоязычных, так и англоязычных писателей разных исторических эпох (А. Солженицын, «Хавелок-датчанин» (автор неизвестен), У. Шекспир, Л. Хьюз, М. Силко и др.), ученая

выделяет различные средства, в т. ч. лингвистические, относящиеся к разным уровням художественной формы: образ автора, образ героя/героини, тип предложения, название произведения, его символизма, художественная деталь, характерные клише и т. д. Все они, согласно М. Поповой, помогают авторам выразить понимание национальной идентичности как сложного, отчасти противоречивого понятия, включающего в себя этнокультурную и гражданско-правовую составляющие.

Упомянутые исследования идентичности, отраженной в художественном тексте, объединяет, по нашему мнению, убеждение в том, что невозможно говорить о проблеме идентичности в литературе в отрыве от художественных приемов и языковых средств их реализации, при помощи которых она (идентичность) воплощается в художественном произведении.

Однако, по справедливому замечанию М. Поповой, трудов, которые бы связывали в единое целое проблему национальной идентичности с художественной архитектурой практически нет. В разных работах присутствуют отдельные замечания по этому поводу, но целостная картина пока не выстроена [5, с. 44].

Еще менее разработанным в плане проблематики идентичности является лингвистический аспект художественного текста, вернее его роль в отражении и создании разных видов идентичности. Лишь некоторые ученые обращают свое непосредственное внимание на стилистические и грамматические особенности художественного текста, которые, по их мнению, могут служить средствами выражения национальной идентичности.

Так, Э. Истхоуп в своей монографии «Английскость и национальная культура» (“Englishness and National Culture”, 1999) отмечает, что для анализа национальной идентичности важно не только то, что говорится, но и *как* оно говорится (типичные тропы, изменение тона, концепция истинности, использование различных средств выражения юмора, иронии). Синтаксис также может стать формой выражения национальной идентичности, что подтверждается ученым на материале глубокого анализа прозы Бэкона, Гоббса и Локка.

Для Э. Истхоупа специфическими формами художественного дискурса, выражающими «английскость» и английскую национальную идентичность являются также «бинарные оппозиции, некая разговорность и эмпирическая ирония [9, с. 31]». Последняя, по мнению ученого, возникает в результате игры между явным значением высказывания и его истинным смыслом, который можно обнаружить, только обратившись к «эмпирической реальности», к которой так склоняется «английская мысль [9, с. 97]».

Убедительными также представляются нам и результаты анализа, изложенные в монографии О'Брайена (O'Brien 1998). Ученый анализирует монолог капитана МакМорриса из исторической хроники У. Шекспира «Генрих V» и выявляет особенности использования языковых средств для выражения национальной идентичности. Согласно автору монографии, неправильное произношение, повторы, нелогичность, особое синтаксическое построение высказывания и т. п., характерные для речи этого ирландца, отражают «неанглийскую природу его дискурса [10, с. 2]».

В целом отметим, что результаты этих довольно немногочисленных исследований доказывают, что, с одной стороны, категория «идентичности» является релевантной для понимания лингвистического «построения» художественного дискурса, а с другой – лингвистический аспект как традиционного, так и постмодернистского художественного дискурса представляет богатый и интересный материал для понимания проблем, связанных с идентичностью и идентификацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике / В. Г. Борботько. – Изд. 4-е. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011. – 288 с.
2. Гарагуля С. И. Антропонимическая прагматика и идентичность индивида: дис.... докт. филол. наук : 10.02.04 / Гарагуля Сергей Иванович – М., 2009. – 418 с.

3. Гарагуля С. И. Языковая личность : Индивид и его имя в иноязычной бредне / С. И. Гарагуля. – М. : ЛИБРИКОМ, 2012. – 160 с.
4. Горошко Е. И. Коммуникативная виртуальная идентичность : гендерный анализ / Е. И. Горошко // Филологические заметки. – Пермь, Скопье, Любляна, Загреб. – 2009. – Пермский гос. ун-т. – Вып. 7. – Ч. 2. – С. 93–105.
5. Попова М. К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании / М. К. Попова. – Воронеж : ВГУ, 2004. – 170 с. – (Серия «Монография»; Вып. 5).
6. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2008. – 712 с.
7. Школовая М. С. Лингвистический и семиотические аспекты конструирования идентичности в электронной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Школовая Марианна Сергеевна. – Тверь, 2005. – 150 с.
8. Яворська Г. М. Лінгвістика в дослідженні міждисциплінарних об'єктів (до аналізу колективних ідентичностей) / Г. М. Яворська // Мова. Людина. Світ. До 70-річчя професора М. Кочергана: Збірник наукових статей. – Вид. центр КНЛУ, 2006. – С. 46–59.
9. Easthope E. Englishness as National Culture / Easthope E. – New York : Routledge, 1999. – 251 p.
10. O'Brien E. The Question of Irish Identity in the Writings of William Butler Yeats and James Joyce / O'Brien E. – Lewiston QueenstonLampeter : The EwinMellen Press, 1998. – 283 p.

Стаття надійшла до редакції 12 січня 2013 року